

ТЕАТР

СУД НАД СУДЬЯМИ

ВРЕМЯ действия спектакля П. Хомского «Суд над судьями», поставленного по сценарию Э. Манна в Театре имени Моссовета, — вторая половина 40-х годов. Уже позади Международный Военный трибунал, осудивший главных фашистских преступников. Теперь в американской оккупационной зоне (в том же Нюрнберге) ведутся процессы над теми, кто проводил в жизнь гитлеровские законы. На скамье подсудимых — нацистские судьи.

Обвиняемых — четверо. Установить степень вины каждого непросто. Эрнст Яннинг, в догитлеровские времена профессор права, уважаемый человек, осознал свою вину и осуждает себя в своем последнем слове. М. Погоржельский создает фигуру по-своему значительную, отразившую в своей судьбе трагедию части немецкой интеллигенции. Эмиль Ханн (его роль играет В. Гордеев) — убежденный нацист, уверенный, что вскоре они снова окажутся на свободе... Время покажет, что он недалеко от истины...

Их судит трибунал под председательством судьи Хейвуда, обвиняет прокурор полковник Лоусон. В исполнении Г. Жженова Лоусон — человек, полный энергии, убежденный в том, что покарать преступников — его право и первейший долг. В этом характере есть своеобразный демократизм, широта души, обаяние. Лоусон сразу завоевывает зрительские симпатии и доверие. Кажется, что на него-то уж можно положиться.

Образ судьи Хейвуда создает Р. Плятт. И здесь хочется сделать «лирическое отступление». В последнее время у нас много говорят о том, что преобладание так называемого «личностного» начала в творчестве актера делает его современным. Но всегда ли мы понимаем, какого масштаба должна быть эта личность, чтобы иметь право выйти на сцену и заговорить со зрителем от себя лично и от имени присутствующих в зале о судьбах мира и человечества?

Ростислав Плятт, виртуозный мастер перевоплощения, создавший на протяжении своей жизни целую галерею острохарактерных образов, сегодня для всех нас прежде всего — личность, олицетворение интеллигентности, благородства, человечности, интеллектуального богатства. Духовная сила и обаяние этой личности как бы изнутри озаряют работы этого большого художника и определяют его исполнительскую манеру последних лет.

...Высокий старик, с огромным лбом и внимательным взглядом. У себя в Америке судья Хейвуд не сделал большой карьеры. И в Нюрнберг его послали, очевидно, надеясь, что он окажется сговорчивым. Такие же иллюзии до поры до времени питают и защитники нацистов. В самом облике и поведении Хейвуда заложено нечто, дающее для этого некоторые основания. Его осо-

бенное внимание к людям, доброжелательность располагают к откровенности. Ему охотно рассказывают о своем прошлом и служащие гостиницы, и представители местной интеллигенции. В ходе этих бесед взгляд Хейвуда становится тверже, суровее, пронзительнее. Артист думает, и мы следим за его мыслью; он говорит негромко, естественно, будто находится наедине не только с партнером, но и с каждым из зрителей. Хейвуд хочет понять, почему вполне добропорядочные люди, потерявшие во времена нацизма своих детей, так терпимы к тому, что произошло с их страной. Как могли, например, ценители искусства Бертольда приобщиться к преступной клике Гитлера? Бертольд после войны был казнен как нацистский преступник. Теперь его вдова, утонченная аристократка, женщина с безупречным вкусом (такой ее играет И. Карташева), пытается реабилитировать мужа в глазах «всепомнящего» судьи. Она хочет выгородить и Яннинга. Ведь это был человек их круга, где знали цену Гитлеру и презирали его.

...Презирали, а сами давили танками пленных, знали цену — а сами проводили в жизнь преступные, античеловеческие законы. И начинает понимать Хейвуд, что всем им нет и не может быть оправдания. Но не сразу открывает истинное лицо своего героя Р. Плятт. Адвокат Рольфе — в исполнении Г. Тараторкина — иступленный фанатик и ярый реваншист — любой ценой хочет добиться оправдания Яннинга. Рольфе буквально терроризирует свидетелей, выступающих на суде. Их роли с большим драматизмом исполняют Е. Стеблов, Л. Наумкина, А. Адоскин. Если Лоусон вызывает призрак прошлого, чтобы оно не повторилось, то Рольфе, напоминая о нем, стремится запугать возможностью его возвращения. Как может все это терпеть Хейвуд, отклоняя протесты прокурора? Но судье необходимо еще и еще раз разобраться в природе фашизма. Ему надо вынести объективный приговор, иначе он сам понесет личную ответственность за прошлое и за будущее.

В конце спектакля мы видим Хейвуда в аэропорту. Очевидно, ему теперь непросто вернуться на родину. Проводить судью приходит один Лоусон. Он пробует оправдаться: ведь самое главное теперь — это выжить любой ценой.

— Важно не просто выжить; важно, какими мы выживем, как будем жить, — возражает ему Хейвуд.

Вглядываясь в противоречивые судьбы героев прошлого, наблюдая за их поведением в экстремальной ситуации, зрители обогащают свою историческую память. Спектакль Театра имени Моссовета заставляет думать. Именно в этом — главная заслуга режиссера и всего актерского ансамбля во главе с Р. Пляттом.

Е. ДУБНОВА.